

Письма И. И. Срезневскаго къ Н. А. Чаеву¹⁾.

I.

Глубокоуважаемый

Николай Александровичъ.

Остановясь на нѣсколько дней въ Москвѣ проездомъ, я имѣлъ между прочимъ въ виду удовольствіе свиданія съ Вами, но къ прискорбію узналъ, что Вы въ Палатѣ²⁾ не бываете по болѣзни. Чтобъ не беспокоить Васъ, я долженъ лишиться этого, о чемъ мечталъ зимою, когда читалъ во второй разъ Ваши „Подспудныя силы“³⁾. Желаю всею душою, чтобы Вы оправились, и останусь при надеждѣ увидѣться съ Вами на возвратномъ пути, недѣли черезъ двѣ — три. А покамѣстъ ограничусь тѣмъ, что вопло ко мнѣ въ голову послѣ перваго прочтенія „Подспудныхъ силъ“, и не исполнилось тогда по совѣтливости. Теперь совѣтливость моя сокрылась подъ туманомъ неудачи увидѣться съ Вами. Два раза читалъ я Вашу прелестную повѣсть, читалъ въ семьѣ — то самъ, то слушая кого-нибудь изъ дѣтей, и оба раза при чтеніи многихъ страницъ плакалъ. Это чтеніе было однимъ изъ тѣхъ семейныхъ наслажденій, которыя также хороши въ настоящемъ, какъ и въ воспоминаніи. За это-то наслажденіе, которое, конечно, и повторится еще не одинъ разъ, благодарнымъ сердцемъ говорю Вамъ русское спасибо — отъ всей семьи своей, отъ старата и малата, отъ

¹⁾ Измаиль Ивановичъ Срезневскій — знаменитый академикъ и профессоръ Петроградскаго Университета по кафедрѣ славянскихъ нарѣчій (род. 1 июня 1812 г., умеръ 9 февраля 1880 г.) — былъ дружески знакомъ съ московскимъ извѣстнымъ археологомъ и писателемъ Николаемъ Александровичемъ Чаевымъ (род. 26 апрѣля 1824 г., умеръ 16 ноября 1914 г.).

²⁾ Т. е. въ Оружейной Палатѣ, гдѣ служилъ Н. А. Чаевъ.

³⁾ Это — романъ Чаева, начатый печатаніемъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* съ февральской книжки 1870 года.

нѣсколькихъ знакомыхъ съ нѣсколькими литераторами и нѣсколькихъ владѣющихъ только чутьемъ природнымъ и ищущихъ питать душу чтеніемъ. Вотъ какое чтеніе нужно намъ, русскимъ, чтобы въ насъ теплилась и любовь къ правдѣ, и любовь къ своему родному. Сіе могутъ дать намъ, конечно, только художники образованные, но и изъ художниковъ только такіе, которые не позволяютъ себѣ фокусничать, а которые столько уважаютъ своего невѣдомаго читателя, сколько хотятъ и имъ быть уважаемыми. Не съ тѣмъ, однако, пишу я это, чтобы понравиться Вамъ, а съ тѣмъ, чтобы голосъ семьянина, любящаго свою семью, дошелъ къ Вамъ, какъ выраженіе желанія, чтобы за первымъ Вашимъ рассказомъ о „Подспудныхъ силахъ“ послѣдовали и другіе Ваши рассказы о нихъ, какъ выраженіе желанія не личнаго, не одиночнаго, а — сколько могу сказать — желанія многихъ. Да укрѣпить Васъ сила Вышняя на высокое служеніе отчизнѣ.

Въ надеждѣ на свиданіе поручаю себя Вашей памяти.

Искренно уважающій Васъ.

И. Срезневскій.

14 іюля 1871 г.

II.

4 іюля 1871 г.

Имѣя возможность исполнить данное обѣщаніе, прежде всего считаю сердечною обязанностью выразить Вамъ и всему вашему семейству благодарность за дружественный пріемъ меня съ сыномъ. Особенно благодаренъ за своего Борю¹⁾, который съ отвлеченнымъ образомъ любимаго писателя соединилъ теперь въ душѣ своей живой образъ чловѣка, столько же достойнаго любви неблизкихъ, какъ своихъ родныхъ, и образъ семьи, въ которой и неблизкіе хотѣли бы быть близкими. Мой Боря молчаливъ, высказывается болѣе намеками, чѣмъ словами, но я увѣренъ, что вечеръ, имъ проведенный у Васъ, посѣялъ въ его душѣ доброе сѣмя.

Вчера случайно встрѣтился съ В. В. Стасовымъ,²⁾ пріѣхавшимъ на дачу къ роднымъ въ ближайшее сосѣдство наше (въ Заманиловку за Парголовымъ, и узналъ отъ него положительно, что Публичная Биб-

¹⁾ Это — третій сынъ И. И. Срезневскаго — Борисъ Измаиловичъ, нынѣ профессоръ Юрьевскаго Университета по кафедрѣ физической географіи и метеорологіи.

²⁾ Владиміръ Васильевичъ Стасовъ, археологъ и писатель по части изящныхъ искусствъ, служилъ въ Императорской Публичной Библиотекѣ.

ліотека, за исключеніемъ отдѣла рукописей, открыта ежедневно. Вашъ прїѣздъ будетъ слѣдовательно не напрасенъ. Библіотека Академическая и университетская открыты по середамъ, но изъ нихъ можно взять книги на домъ, особенно на домъ ко мнѣ. Кстати объ этомъ домѣ. Квартира наша въ городѣ (на 14 линіи Васильев. острова, домъ Кобызева, кв. № 4) остается почти въ томъ видѣ, какъ бываетъ при насъ; при ней живетъ старушка, очень услужливая и честная, умѣющая готовить и кушанье. Мы просимъ Васъ прїѣхать прямо къ намъ, какъ домой, и чтобы кто-нибудь изъ насъ могъ Васъ встрѣтить, дать намъ знать, когда именно Вы располагаете прїѣхать: одинъ изъ моихъ старшихъ сыновей сдѣлаетъ это, тотъ и другой съ равнымъ удовольствіемъ. Вѣрьте, что Вы насъ этимъ одолжите. Если же у Васъ въ Петербургѣ есть тѣ, которые болѣе насъ имѣютъ право принять Васъ, то все-таки дайте знать о своемъ прїѣздѣ. На дачѣ у насъ есть также мѣсто для ночлега для Васъ и для супруги Вашей—не могу сказать удобное, но радушно предлагаемое тѣми, которые хотѣли бы подолѣе быть съ Вами. Ёхать къ намъ надобно по Финляндской желѣзной дорогѣ на Парголовскую станцію, слѣдующую за Шуваловской, и оттуда на таратайкѣ въ Заманиловку на мызу Сурова—около 1¹/₂ версты.

Всѣ мы и Майковъ А. Н.,¹⁾ сердечно Вамъ кланяемся. Остаюсь въ надеждѣ на скорое свиданіе и на исполненіе нашихъ просьбъ.

Вамъ преданный
Измаиль Срезневскій.

Потрудитесь передать нашъ поклонъ Филимоновымъ.²⁾

III.

1 окт. 1871 С. Пбургъ.

Сегодня вечеромъ, за часъ передъ этимъ, жена, передавая мнѣ письма, полученныя на мое имя въ мое отсутствіе, передала и Ваше письмо, посланное еще 15 іюля. Съ 15 іюля прошло два мѣсяца съ половиной. Вы и ждате перестали отвѣта, можетъ быть посердились на меня, особенно если какъ нибудь случайно не узнали, что я далеко.

¹⁾ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, извѣстный поэтъ.

²⁾ Т. е. Юрію Дмитріевичу Филимонову, археологу, служившему въ Московской Оружейной Палатѣ, и его женѣ.

Теперь, хотя можетъ быть и поздно отвѣчать на запросъ Вашъ, на который бы я отвѣтилъ съ радостью въ свое время не медля, все таки я отвѣчу не медля, насколько могу. Если же понадобилось бы еще что нибудь, то сдѣлаю все по Вашему желанію. Въ Oesterreichische National—Encyklopedie нашелъ я маленькую біографію Гагоца подъ словомъ Hotze, Dav. По этому указанію нашелъ и другую болѣе обширную въ Allgem. Enc. Ерша и Грубера и въ лексиконѣ (*слово не разобрано*) еще одну. Изъ нихъ сообщаю Вамъ извлеченіе. Гоце родился въ 1739 г. въ Рихтерсвилѣ, въ кантонѣ Цюрихскомъ, сыномъ гражданина; учился въ молодости богословію въ Женевѣ, бѣжалъ оттуда вслѣдствіе ссоры какой то въ Вюртембергъ, милостиво принять тамъ герцогомъ Карломъ и вступилъ въ военную службу. Въ битвѣ у Росбаха (5 ноября 1757) взятъ въ плѣнъ пруссаками, перешелъ въ прус. службу; въ битвѣ при Куннерсдорфѣ (12 авг. 1759) раненъ, попалъ въ плѣнъ къ русскимъ и по выздоровленіи, вслѣдствіе убѣжденія фельдмаршала Салтыкова, о немъ заботившагося, перешелъ въ рус. службу. Въ 787 онъ былъ уже русскимъ маіоромъ. Тогда узналъ его въ Херсонѣ Іосифъ II, переманилъ его къ себѣ съ согласія Екатерины II. Въ 791 онъ былъ уже полковникъ, въ 1792 участвовалъ въ походѣ противъ французовъ съ войсками Вурмсера, а въ 1783 сдѣлался генераль-маіоромъ. Особенно отличился онъ при взятіи Вейсенбургскихъ линій 23 окт. Осенью 1794 г. начальствовалъ кордономъ противъ Швейцаріи. Въ 1795 сдѣланъ фельдмаршалъ - лейтенантомъ. Въ 1796 отличился подъ Неймарктомъ и Вирцбургомъ, помогши разбить Журдана и отступленіемъ Моро вслѣдствіе этого покончить походъ. Въ походѣ 1799 г. онъ начальствовалъ особымъ корпусомъ 25000 ч. въ Форальбергѣ (*не разобрано*), отразилъ Удино и Массену, послѣ неудачныхъ попытокъ все таки взялъ Луціенштейнъ, подъ Цюрихомъ былъ раненъ, еще разъ раненъ у Шеннида 25 сент. и палъ невдалекѣ отъ своей родины. Онъ былъ храбръ, образованъ и вмѣстѣ очень страстный человѣкъ. Мѣсто родины Гоца, Рихтерсвилъ—въ горахъ между озеромъ Цюрихскимъ и Цугскимъ, зеленыхъ, невысокихъ, обработанныхъ и населенныхъ дѣятельнымъ народомъ, занимающимся шелковымъ тканьемъ. Мѣсто паденія—на юго-востокъ отъ Цюрихскаго озера, недалеко отъ Валенштейн. озера, окруженнаго горами, частью очень скалистыми. Теперь тамъ желѣзная дорога. Языкъ этихъ мѣстъ есть нѣмецкій жаргонъ, непонятный для другихъ нѣмцевъ; можно думать, что народъ нечисто нѣмецкаго происхожденія. По нѣкоторымъ собств. именамъ можно предполагать, что тамъ были и Слав. поселенія.

Не зная, что еще сказать о Гоцѣ, поворачиваю свои оглобли къ воспоминаніямъ о своемъ странствіи, на дняхъ оконченномъ. Я ѣздилъ

со старшею моею дочерью Ольгою, особенно Васъ уважающею.¹⁾ Большую часть времени мы провели съ ней въ Италиі какъ дѣятельные, но спѣшащіе туристы. Добѣжали до Сиракузъ, не пропустя Милана, Венеціи, Болоньи, Равенны, Флоренціи, Рима, Неаполя, Палермо, Мессины и Катаньи. Два раза пробивались черезъ Аппенины. Много разъ ѣздили по морю, разъ и въ утлой лодочкѣ; таскались и пѣшкомъ, и на ослахъ. Были и въ музеяхъ, галлерейхъ, библіотекахъ, театрахъ, и въ церквахъ подземныхъ, и въ катакомбахъ, и въ развалинахъ, и въ гротахъ. Помпеи намъ не понравились. Храмъ св. Петра не привелъ насъ въ восторгъ. Нѣмцы не научили ругать итальянцевъ, а сами итальянцы, особенно Сицилійцы, заставили себя любить и жалѣть. Море Средиземное плѣнило. Разставаться съ Сициліей было жаль. Отъ жары не страдали, а только загорѣли. Никогда еще я не тяготился такъ нашею туманно — плаксиивою осенью, какъ теперь, вѣроятно потому, что мы воротились поздно и точно окунулись въ нее.

Отъ меня, Бори и всей нашей члено-обильной семьи всѣмъ вашимъ искренній привѣтъ.

Да укрѣпитъ Васъ сила Вышняя на общее дѣло.

Глубокоуважающій Васъ

И. Срезневскій.

Передайте мое почтеніе С. М. Соловьеву, Ю. Д. Филимонову, Струкову, Викторову.

IV.

Отвѣчаю прежде всего на Вашъ вопросъ. Въ моей библіотекѣ находятся слѣдующія книги о Венгріи въ отношеніи географическомъ и этнографическомъ:

Чапловича Gemölde von Ungarn 1829. 2 части. Довольно системат. обзоръ, основанный между прочимъ на личныхъ наблюденіяхъ.

J. Tiele Das Kunigreich Ungarn 1833 г. 6 частей. Авторъ — Рус. нѣмецъ и чиновникъ, имѣлъ много матеріалу между прочимъ и оффиціального, изложилъ кропотливо, усердно: это — въ перв. 4-хъ частяхъ — собраніе данныхъ о каждомъ комитатѣ а въ 2-хъ послѣднихъ — свѣдѣнія объ особенно любопытныхъ мѣстностяхъ въ азбуч. порядкѣ.

— (Магды) *Neueste stat. geogr. Beschreibung des Kon. Ungarn Croatiaen, Slavonien.* и пр. Двѣ части. 1834. Очень хорошій подборъ данныхъ, но сухихъ.

¹⁾ Это Ольга Измайловна Срезневская, писательница, издавшая Словарь древнерусскаго языка — трудъ своего отца.

V. Блубенбахъ. Neueste Gemölde der Länder Ungarn, Polen, и др. 1834. Довольно занимательное описаніе съ этнограф. подробностями и съ 6-ю картинками.

Mig Parkve. Ungarn und 1842. Замѣтки туристки, очень любопытныя, разнообразныя, перетасованныя со слухами и ходячими слухами и мнѣніями публики.

Есть у меня кромѣ этого подробныя карты Венгріи, словари справочныя и т. д., повременники со статьями о Венгріи и венгерцахъ и т. д., историч. сочиненія и т. д. Спросивъ академика Куника объ описаніи Венгріи, которое бы пригодно было для Васъ (безъ упоминанія Вашего имени), я узналъ, что есть какое-то *Uoyaga* или *Description pittoresque*, составленное эмигрантами, съ картинками, кои сравнительно съ тѣми, которыя входили въ *Univers. pittoresque*, гораздо хуже. Есть ли въ этомъ послѣднемъ собраніи книга о Венгріи, не могу сказать. Если найду что-нибудь въ Акад. и Унив. библіотекахъ, то сообщу, сколько смогу скорѣе.

Съ радостью занялся бы этимъ и теперь, но у меня такія неожиданныя тяжелыя и горькія хлопоты, что я четыре ночи не спалъ до утра. Вы какъ добрый семьянинъ поймете это легко. Для того, чтобы хоть „душу отвести“, расскажу Вамъ о нихъ, а можетъ быть это будетъ Вамъ и любопытно, какъ наблюдателю современности. Я со всею своей семьей занялъ перемѣною квартиры, переселеніемъ изъ одного нами устроеннаго жилья въ другое, которое придется устраивать позднею осенью, въ то время, когда и я долженъ работать, приготовляться къ лекціямъ и къ занятіямъ, когда и дѣти, послѣ лѣтняго отдыха принялись за ученье, переѣзжать съ утварью, рухлядью большой семьи и съ библіотекой въ 10. 000 если не болѣе книгъ. Можете себѣ представить, что это! А на дворѣ грязь, дождь или мокрый туманъ. Спасеніе отъ пожара, конечно, гораздо хуже, но при пожарѣ есть по крайней мѣрѣ поддержка въ мысли, что это несчастіе, напедшее независимо отъ человеческой воли, и надежда на страховое общество, а тутъ—только уныніе при мысли, что безъ крюкотворства жить все таки нельзя или по крайней мѣрѣ, что отъ крюкотворовъ нѣтъ спасенія, какъ ни живи тихо и честно. Какъ приведены мы въ такое положеніе, кажется намъ сномъ, но это не сонъ, а тяжелая дѣйствительность. Еще за 6 дней мы были беззаботны и покойны, а теперь... поневолѣ засыпашь уже изнеможеннымъ...

На квартиру, которую мы оставляемъ, мы переселились въ половинѣ іюня 1869 г., нанявши ее на годы по 950 р. и платили всегда впередъ по 300. 400, 500 и болѣе рублей, какъ только желалъ

хозяинъ, и жили мирно, въ добрыхъ отношеніяхъ съ хозяиномъ. Въ послѣдній разъ, когда онъ пришелъ просить денегъ въ концѣ прошлой зимы, онъ пожелалъ получить разомъ 1000, а я приготовилъ денегъ не болѣе 600. Съ сердцемъ я упрекнулъ его; онъ немедленно сталъ извиняться, сказалъ, что онъ дорожитъ мною; сказалъ: живите, сколько хотите, платите, когда и какъ хотите, мнѣ теперь не до дому; я занятъ фабрикой, и она должна мнѣ давать доходу несравненно болѣе. Мы стали дружески разговаривать о фабрикѣ, и онъ дружелюбно ушелъ, получивши столько денегъ, что за квартиру было уплачено не только по половину іюня 1871 г., но и далѣе мѣсяца за два или около. Пришла половина іюня, срокъ годичный, хозяинъ не появлялся. Я поѣхалъ въ Москву и далѣе, а семья переселилась на дачу. Я воротился въ іюль и недѣли черезъ три уѣхалъ за границу, совершенно покойный, о квартирѣ не думая. Сыновья мои начали ее устраивать для зимы, запасены дрова, сдѣланы разныя поправки частью и хозяиномъ, большею частью нами. Покойно, въ началѣ сентября, перѣѣхала жена съ дѣтьми съ дачи; покойно и я воротился, нашедши вездѣ слѣды возобновенія и заботъ обо мнѣ и ѣздившей со мною Олѣ. Въ половинѣ сентября былъ у насъ хозяинъ (еще до моего возвращенія), рекомендуя своего управляющаго и прося къ нему обращаться, сдѣлалъ съ нимъ расчетъ о деньгахъ нами уплаченныхъ.

Такъ какъ слѣдовало уже намъ по уговору вновь дать деньги впередъ, то жена просила хозяина, не хочетъ ли онъ получить деньги. „Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, не нужно. Вотъ пріѣдетъ Измаиль Ивановичъ, и тогда я получу“. По возвращеніи, узнавши объ этомъ и думая, что онъ пожелаетъ получить расчетъ за все время до половины іюня, я прежде всего сталъ хлопотать о томъ, чтобы набрать 800 руб., и покойно ожидалъ отдачи денегъ. Въ прошлый понедѣльникъ является, наконецъ, управляющій и вмѣсто ожидаемаго мною требованія за годъ впередъ, т. е. остальныхъ 800 рублей, заявляетъ, что квартира, нами занимаемая, не можетъ идти по прежней цѣнѣ, что мы должны за нее платить не 950, а 1600 руб. На мой вопросъ, почему же это объявляется только теперь, когда уже мы прожили чуть не четверть 3-го года, когда мы уже лишились свободной возможности располагать выборомъ квартиры, когда уже все устроено на зиму и пр., онъ отвѣчалъ, что квартира наша нанята безъ контракта, что за нее даютъ гораздо болѣе, что никто не можетъ быть не въ правѣ лишаться своихъ выгодъ и пр. Можете себѣ представить, что сдѣлалось со мною внутри при мысли, что съ квартиры надо съѣхать, а куда, можетъ быть—и некуда. Я отвѣчалъ управляющему, что онъ меня поразилъ, болѣе я отвѣчать не могъ. Дѣти горячились, а я палъ духомъ такъ, что хотѣлось бы спря-

таться отъ самого себя. По уходѣ управляющаго мой Володя¹⁾ поѣхалъ къ одному изъ знакомыхъ совѣтоваться и привезъ намъ неутѣшительныя вѣсти. Съѣхать съ квартиры мы можемъ быть принуждены, хотя и не разомъ. Управляющій можетъ, по истеченіи небольшого времени, заключить у нотаріуса даже подложный контрактъ съ условіемъ платежа неустойки даже и по 100 и болѣе рублей въ день, и если мы будемъ причиною неустойки, то нотаріусъ насъ и заставитъ платить ее. Опоры на то, что мы наняли погодно, а не помѣсячно и не по-денно, быть не можетъ. Это говорилъ опытный и къ намъ расположенный человѣкъ. Оставалось пытаться искать квартиру. Нѣсколько квартиръ оказалось, но та—1,800, другая 2000, третья 250 въ мѣсяцъ. Одна оказалась въ 900, тѣснѣе нашей, на дворѣ, хоть и большомъ, еще не очищенная, и вмѣстѣ болѣе уютная, чѣмъ нами занимаемая. Надо было рѣшиться. Управляющему, явившемуся за отвѣтомъ въ среду, я поручилъ сказать, что къ прежней платѣ не прибавимъ ни копѣйки, да и за эту плату надолго не останемся, чтобы избѣгнуть сношеній съ людьми, отъ которыхъ можно ожидать непріятностей, что много, много, если останемся до 1 ноября. И вотъ библіотека моя уже укладывается въ ящики, а маленькія дѣти хлопочуть объ укладкѣ въ коробки своихъ куколъ, тряпочекъ и игрушекъ. Многіе часы проходятъ въ разсужденіяхъ о томъ, какъ лучше расположиться въ новой квартирѣ, гдѣ что поставить, какъ что устроить; а при этомъ оказывается, что то или другое тамъ, гдѣ было бы удобіе, не поставится, не помѣстится, а тамъ то мѣсто останется пустое. Теперь я уже успокаиваюсь внутренно, двѣ ночи спалъ, но грустно, грустно и горько, что человѣкъ обижаемый не можетъ найти защиты, а обижающій остается подъ защитой. И вмѣстѣ съ тѣмъ я готовъ плакать отъ умиленія, видя, какъ покойно, единодушно и стройно дѣти заботились обо всемъ и болѣе всего о томъ, чтобы меня избавить отъ всякихъ хлопотъ.

Но довольно о нашемъ романѣ. Пора перейти къ Вашему, который доставитъ многимъ, многимъ удовольствіе и наслажденіе, всѣмъ вмѣстѣ болѣе, чѣмъ самимъ Вамъ.²⁾ И то, что Вы мелькомъ сказали относительно его содержанія, и то, что Вы дали мнѣ знать запросами, и то, что вызвали Вы ими въ моемъ воображеніи, настроило меня на самыя радостныя ожиданія, и если бы не то да не другое. то такъ бы и полетѣлъ въ Москву упрашивать Васъ прочесть хоть чтонибудь, или бы, что еще лучше для насъ всѣхъ вмѣстѣ, нагагнитилъ Васъ рѣшимостью пріѣхать сюда, въ кругъ Васъ любящихъ и уважающихъ и опять упрашивать Васъ прочесть намъ... Тогда бы

¹⁾ Это—старшій сынъ—Владиміръ Измаиловичъ Срезневскій.

²⁾ Въ это время П. А. Чаевъ писалъ свой романъ: „Богатыри“.

я могъ сказать хоть (*слово не разобрано*), но для меня лично сущую правду о пѣсняхъ импровизатора, которыя Вы мнѣ дружественно сообщили къ сожалѣнію съ запрещеніемъ прочесть А. Н. Майкову. Теперь о нихъ я хочу только сказать то, что онѣ прекрасны, еще прекраснѣе должны казаться въ своемъ мѣстѣ, и что только по тому, чѣмъ онѣ обставлены, подѣ какимъ настроеніемъ души, которое передастся и читателямъ, вылились онѣ изъ подѣ пера Вашего. Чтобы не умолчать ничего, я скажу, какъ неистовый грамотей, что иностран. слово *Figenze*, если это не начало стиха итальян. пѣсни (т. е. если не стояло бы оно въ прозѣ такъ подѣ пѣсню прекрасной сестры: *Figenz* и пр.) не совсѣмъ удобно. А стихи прекрасныя, звучныя, легкія, полныя мысли и образовъ и самобытной выразительности. (Придираясь и высказываясь, чтобы ничто не осталось несказаннымъ, я бы позволилъ себѣ еще желать, чтобы въ первомъ стихѣ „Орлы, уроженцы гористой Абруццо“ вмѣсто „гористой“ (слова, подразумѣваемаго въ словѣ Абруццо) стояло другое, напр: „ущелій“, „развалинъ“, „обваловъ“, или другое подобное, но Вы видите, что я придираюсь).

Темнѣеть; а хотѣлось бы не запаздывать съ отправкой письма, и поэтому оканчиваю его, прося извиненія, если сказалъ что нибудь лишнее.

Отправивши предыдущее письмо, я задумался: не забылъ ли я среди поклоновъ, о которыхъ я Васъ просилъ, дать мѣсто поклону Ельпид. Вас. Барсову, добрѣйшему, милѣйшему, обязательнѣйшему. Многимъ я и мой Боря обязаны ему, его внимательности и услужливости. Если забылъ, поправьте вину мою, передайте ему, а вмѣстѣ и А. Е. Викторову, нашу признательность.

Всею семьею цѣлую Васъ и Вашихъ

Вашъ И. Срезневскій.

11 окт. 1871. СПб.

V.

8 февр. 1872.

Сегодня нашъ Университетскій актъ, нѣчто въ родѣ праздника, такого праздника, который заставляетъ всю лучшую часть дня провести не дома,—и вотъ я берусь за листокъ, чтобы написать Вамъ хоть нѣсколько словъ. Давно я собирался, пенялъ себя за неумѣнье распорядиться временемъ, и только что пенялъ. Причина не въ равнодушіи, не въ лѣни, не въ чемъ бы то ни было дурномъ, а въ особенной заботѣ, которую я на себя навязалъ, не воображая, что она займетъ столько времени, которая ранѣе или позже должна была мною быть

сдѣлана, но могла быть сдѣлана и попозже, и не среди несотлагаемыхъ спѣшныхъ работъ. По желанію нѣкоторыхъ изъ слушателей, я принялъ на себя коротенькій эпизодическій курсъ греческой палеографіи, воображая себѣ, что я съ нимъ управляюсь безъ особенныхъ затрудненій. Сталъ я заниматься приготовленіемъ къ нему передъ праздниками, за три недѣли до начала, и вотъ работаю, работаю, отлагая все въ сторону, и все таки едва выползаю. Только одинъ день въ недѣлю занятъ другимъ приготовленіемъ; только передъ сномъ читаю что нибудь для отдыха; въ гостяхъ по обычаю не бываю; немногіе часы въ недѣлю провожу съ гостями, почти столько же со своими, и все-таки едва, едва свожу концы съ концами для 3-хъ часовъ въ недѣлю. Сколько разъ я себя усовѣщевалъ не братья за боковую работу въ рабочее время, но все напрасно: не рассчитавъ силъ съ временемъ, берусь и увлекаюсь, и потомъ не сплю, что не сдѣлалъ того и другого нужнаго. Не могу впрочемъ сказать, что время мое въ этой работѣ идетъ скучно; напротивъ я счастливъ, кромѣ тѣхъ часовъ, когда чего нибудь не достаетъ для продолженія работы и надобно или искать чего нибудь, или дѣлать механическія сводки-указатели.

Не совѣмъ доволенъ я днемъ, если не кончу его какимъ-нибудь умнымъ легкимъ чтеніемъ, а въ эти мѣсяцы и это бывало нерѣдко. Такъ между прочимъ не совѣмъ пріятно провелъ я время и съ „Вешними водами“¹⁾. Въ сопостановкѣ и обрисовкѣ характеровъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ содержанія, въ ясности и выразительности изложенія и языка Тургеневъ и тутъ мнѣ показался мастеромъ; но когда я кончилъ чтеніе (я впрочемъ дочелъ до выѣзда Полозовыхъ изъ Висбадена и затѣмъ перебросился къ послѣднимъ страницамъ), мнѣ стало грустно, что и Тургеневъ не можетъ не подчиняться напускнымъ убѣжденіямъ недорослыхъ своевольниковъ и какъ будто любить рисоваться недорослемъ, не думая о своемъ долгѣ писателя или не понимая этого святого долга. Какъ затянулъ одну пѣсенку съ голосу юныхъ безсемейныхъ брезгуновъ, что у насъ людей нѣтъ, такъ и тянетъ и тянетъ. Удивляюсь, какъ ему самому не наскучить, если ужъ не въ силахъ подумать, что это можетъ наскучить другимъ, и что это пристрастіе его къ одной и той же пѣсенкѣ можетъ быть принято и за неумѣнье пропѣть другую. А между тѣмъ пѣснь другая намъ нужна, ее ждуть многіе добрые люди, многія добрыя семьи и отъ него, чтобы не дать себѣ права обходить его, пѣсни не жи, а правды... Пойте ее, пойте, чтобы веселѣе было на душѣ и Вамъ самимъ, и всѣмъ, кто Васъ слышитъ.

¹⁾ „Вешнія воды“ — повѣсть Тургенева, помѣщенная впервые въ *Вѣстникъ Европы* (1872 г., кн. 1.)

Неволью вспомнилась прошедшая суббота. У насъ былъ А. Н. Майковъ и читалъ свое новое произведение „Смерть Люція“. Люцій тутъ и тотъ, котораго знаемъ по прежде написанному, и не тотъ, живѣе, яснѣе, самобытнѣе, и окруженъ такимъ разнообразнымъ множествомъ лицъ живыхъ, ясныхъ, самостоятельныхъ, что неволью увлекаешься, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и болѣе чѣмъ увлекаешься. Не говорю уже о языкѣ и стихѣ. Мнѣ кажется, что, если бы устранены были нѣкоторыя натянутости положеній, то это было бы не только лучшее изъ произведеній Майкова, но одно изъ лучшихъ новыхъ произведеній нашего поэтическаго творчества и вообще изъ произведеній новой поэзіи христіанской, т. е. той, которая вдохновляется и вдохновляетъ образами христіанскаго круга, еще сжатаго извиѣ язычествомъ. Жду съ нетерпѣніемъ случая еще хотъ разъ прослушать, прежде нежели оно появится въ печати, и вмѣстѣ хотѣлось бы, чтобъ Майковъ не спѣшилъ печатать, а еще бы выдѣлалъ то и другое.

Вечеръ.

Послѣднее пріятное впечатлѣніе было отъ историко-литературнаго очерка Веселовскаго (нашего доцента на кафедрѣ исторіи литературы) о Петрѣ Белѣ (P. Bayle). Сегодня на актѣ я прослушалъ его въ третій разъ, и съ такимъ же удовольствіемъ, какъ въ первый; два первые слушалъ, какъ критикъ-цензоръ, а сегодня уже какъ простой слушатель. Белъ скептикъ, ни во что крѣпко не убѣжденный, во многомъ сомнѣвающимся, обрисованъ великолѣпно, и насколько могу судить по тому, что знаю объ этомъ удивительномъ самобытцѣ, вѣрно. Мастерство расположенія частей и пользованія подробностями помогаетъ прочности впечатлѣнія. Отъ Веселовскаго можно ожидать многого и какъ отъ трезваго труженика науки, и какъ отъ умнаго писателя.

Хотѣлось бы дальше писать, еще болѣе хотѣлось бы говорить съ Вами, слушать Васъ.

Вашъ искренно уважающій И. Срезневскій.

VI.

Уже по прочтеніи начала Вашего новаго произведенія хотѣлъ я Вамъ писать и благодарить за всѣхъ, съ кѣмъ мнѣ случилось говорить о немъ.¹⁾ Прочетши вторую частичку, я почувствовалъ еще большую потребность не молчать. Ждемъ съ нетерпѣніемъ продолженія. Любуемся и простотою, задушевностью разсказа, и вѣрностью подробностей (нѣко-

¹⁾ Дѣло идетъ о романѣ Н. А. Чаева: „Богатыри“.

торья, по крайней мѣрѣ, какъ напр. барскій домъ прошлаго вѣка, мнѣ извѣстны близко), и мѣткой очерченностью характеровъ, и художническимъ умѣньемъ ихъ сопоставлять какъ звуки въ аккордѣ. Особенно это послѣднее падаетъ мнѣ на душу всего сильнѣе. Когда-то эту силу искусства я чувствовалъ только, не понимая, отчего она такъ могущественна. Теперь, понявши ее, я тѣмъ болѣе поддаюсь ей, чѣмъ она болѣе безыскусственна, и не могу не дорожить ею въ писателѣ. Я уже не говорю о занимательности Вашего разсказа, не зависящей вовсе отъ желанія знать, что будетъ далѣе. Да, Вы—мастеръ, и слава Богу. Мастера намъ нужны. О, какъ еще нужны! Если бы для всего были у насъ мастера—хоть бы даже и не такіе, какъ Вы въ своемъ дѣлѣ, только съ тою же любовью къ своему дѣлу, какая дышетъ въ Васъ.

Теперь и „Бесѣда“¹⁾ кажется намъ чѣмъ-то инымъ противъ прежняго. Вотъ почему и посылается при этомъ статейка для „Бесѣды“, какъ знакъ признательности къ Вамъ. Она и посылается не для платы, а какъ знакъ сочувствія. Если уже о книгѣ Ральстона²⁾ было что напечатано въ „Бесѣдѣ“, то потрудитесь только мнѣ дать знать или и статью прислать назадъ. Это не помѣшаетъ моей дочери послать въ „Бесѣду“ чтонибудь другое—все таки съ тою же цѣлюю.

Хотѣлось бы поѣхать въ Москву на выставку, но я еще не рѣшилъ когда и съ кѣмъ. Хотѣлось бы взять и моего маленькаго Всеволода³⁾, который хоть и 5-ти только лѣтъ безъ малаго, но чувствуетъ въ себѣ русское, а видалъ его только здѣсь. Москва его занимаетъ,—и терема и Василій Блаженный, и Иванъ Великій, и особенно Царь-Колоколъ и Царь-пушка.

Будьте здоровы и не забывайте преданнаго Вамъ

Измаила Срезневскаго.

20 апр. 1872.

VII.

14 апр. 1878.

За недѣлю передъ этимъ, 6-го апр., я началъ писать къ Вамъ письмо, едва только освободившись отъ обязательныхъ занятій; написалъ три страницы и, не кончивъ, пошелъ на ночной покой. Утромъ перечелъ—и рѣшился бросить написанное: такъ оно мнѣ не понравилось. Нерѣдко приходится мнѣ это дѣлать съ тѣмъ, что должно идти

¹⁾ Журналъ, издававшійся С. А. Юрьевымъ на средства А. Н. Кошелева.

²⁾ Разумѣется сочиненіе англичанина Вильяма Ральстона: „The songs of the Russian people as illustrative of slavonic mythology and Russian social life (Лондонъ, 1872 г.).

³⁾ Это—младшій сынъ И. И. Срезневскаго.

въ печать, и почти никогда съ письмами; но зато очень рѣдко приходится мнѣ и писать такія письма, какое хотѣлъ написать Вамъ. Бросивъ написанное, я сталъ думать, какъ же написать Вамъ то, что хочется Вамъ высказать. Думалъ каждый день, почти за каждую работою—и все таки не додумался. А между тѣмъ надо исповѣдаться въ постные дни, надо написать Вамъ письмо сегодня или завтра. Вотъ я и взялся за листокъ. Какъ что напишется, не знаю; одно знаю: если бы я не уважалъ Васъ и не былъ бы глубоко благодаренъ за душевныя наслажденія, мнѣ Вами данныя, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ бы увѣренъ, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ убѣжденій обоимъ намъ общи, то я бы не сталъ Вамъ писать о томъ и такъ, о чемъ и какъ рѣшаюсь.

Отмѣчу прежде всего нѣкоторыя изъ убѣжденій, намъ обоимъ, какъ я полагаю, общихъ.—Мы вѣримъ въ жизнь добра во всякомъ человѣкѣ: какими бы тяжелыми и толстыми слоями ни покрывало его все недоброе, добро въ душѣ человѣка не пропадетъ, и, можетъ случиться, выбьется изъ-подъ гнета, разнесетъ его—силою сочувствія къ добру, для него внѣшнему, вызывающему.

—Мы вѣримъ въ необходимость задушевности, чистой и теплой искренности въ отношеніяхъ съ собою подобными, хотя съ немногими, если нельзя со многими, въ необходимость дѣлиться мыслию и чувствомъ, радостью и горемъ, и даже не дѣлясь однимъ довѣряться, отъ другихъ ждать довѣренности, быть ея достойнымъ.

—Мы вѣримъ высокому значенію достоинства въ человѣкѣ, и чѣмъ гдѣ видимъ его болѣе освобожденнымъ отъ чего бы то ни было его унижающаго, тѣмъ болѣе невольнo почитаемъ человѣка имъ овладѣвшаго.

—Мы вѣримъ потребности искать истины посредствомъ правды и правды посредствомъ добытой истины, какъ бы мелочная опытность ни обольщала насъ увѣреніями, что выгодно искать истины и правды посредствомъ лжи и обмана.

—Мы вѣримъ необходимости художества или—лучше сказать—поэзіи; какое художество ни взяла бы она какъ орудіе, вѣримъ необходимости поэзіи, какъ силы могущей вызвать къ жизни всякую другую внутреннюю силу: бѣденъ и жалокъ человѣкъ, который никогда не нуждается и не понуждается въ этой силѣ. Очень, очень многіе чувствуютъ ее и не умѣютъ назвать, даже не нуждаются въ отличеніи названіемъ; многіе чувствуютъ и умѣютъ назвать, но не то, что чувствуютъ, а что принято называть: чувство само по себѣ, имя само по себѣ; очень немногіе, къ счастью, знаютъ только имя, какъ слѣпой названіе цвѣта. Изъ этихъ трехъ отдѣловъ людей самые властные и самые прихотливые тѣ многіе, которые въ себѣ чувствуютъ силу поэзіи, и независимо отъ этого умѣютъ владѣть именемъ поэзіи, а

равно и именами художества, искусства, мастерства и всего подобнаго...

Я бы желалъ принадлежать и, кажется, принадлежу не къ этому отдѣлу людей, а къ обширному первому, хотя и употребляю и по своему осмысляю слова: поэзія, художество и пр. Желалъ бы, чтобы и Вы принадлежали къ этому же отдѣлу... И тутъ-то начинается моя исповѣдь. Каюсь грѣшный, каюсь искренно, чистосердечно, каюсь и— не покаюсь, грѣшнымъ останусь, опираясь на убѣжденіяхъ, выше высказанныхъ, принимаемыхъ мною за наши общія.

Для меня никакіе подборы и сочетанія красога, линій, звуковъ, словъ, образовъ, восклицаній, тѣлодвиженій—не поэзія; никакая завѣдомая ложь, никакая поддѣлка, какъ и никакое отсутствіе живого человѣческаго смысла—не поэзія; никакое озлобленіе, никакая насмѣшка—не поэзія. Для меня поэзія—сила чистая, свѣтлая, очищающая и освѣщающая человѣка, освѣщающая невидное, освѣтляющая зрѣніе слѣпого, умудряющая немудраго, вызывающая къ жизни омертвѣвшаго, къ надеждамъ—безнадежнаго, къ вѣрѣ—безвѣрнаго, къ добру—его забывшаго, къ достоинству—имъ пренебрегшаго,—сила задушевной правды, передуманной и перечувствованной, заставляющей чувствовать и думать всею душою. Она можетъ преобразоваться въ вѣру, но не въ безвѣріе, въ покаяніе, но не въ проклинаніе, въ славословіе, но не въ злословіе. Всякое художество можетъ быть ея орудіемъ, но всякое само по себѣ, только по тому что можетъ быть и ея орудіемъ, но непременно должно быть движимо только ею. Подлинный царь, останется царемъ и не въ царской одеждѣ; а царское платье видятъ чаще всего на актерахъ, а не на царяхъ. И что бываетъ съ царскимъ платьемъ актеровъ, то бываетъ и съ художествомъ: это не настоящее царское платье, а поддѣлка, не художество, а мастерство, мастерство подобострастное, приниженное, мелкоугодливое—и вмѣстѣ съ тѣмъ чванное, самоувѣренное, властительное, что-то въ родѣ модистки, повинующейся модной картинкѣ—и никакому живому самостоятельному вкусу, смѣло защищающей всякое безобразіе, пока оно не смѣнитса другимъ безобразіемъ, и не желающей понять красоты, или же иногда что-то въ родѣ паяца, продѣлывающаго разные невозможные фокусы, но не просто фокусника, а каліостра, движущагося и движущаго силою, простому смертному недоступною. Можно быть обманутымъ, конечно; можно принять и мастерство за художество, и художество не за орудіе только поэзіи, а за самую поэзію; но нельзя стараться быть обманутымъ и довольствоваться обманомъ, какъ правдою. Мнѣ случалось видѣть молящихся подъ звуки голоса поющихъ молитву: какая молитва, о чемъ она—молящійся не знаетъ, и голоса поющихъ. не благообразны; но молящійся молится всею душою, самъ себѣ созидая молитву,

и напѣваетъ ее про себя голосомъ сердца. Такимъ молящимся можетъ быть всякій человекъ, движимый внутреннею силою поэзіи, при содѣйствіи всякаго художества совершенно помимо вліянія художника. Можно вѣдь молиться и передъ образомъ, котораго не видишь, молиться и ничего не видя и не слыша, ничего видимаго не представляя; можно молиться и передъ образомъ издѣлія дюжиннаго богомаза и тепло молиться,—не по силѣ творческаго дѣйствія этого богомаза, а по внутренней только силѣ. Тутъ даже и обмана нѣтъ: тутъ душевная жажда сама по себѣ, а все другое само по себѣ.

Но если поэтъ почувялъ въ себѣ не только душевную жажду задушевной правды, и еще дѣятельную силу удовлетворять этой жаждой другихъ, не долженъ ли онъ стараться сознательно овладѣть этою силой, именно тою ея долей, какую онъ чувствуетъ въ себѣ про себя болѣе всякой другой, не подчиняясь никакому внѣшнему давленію, а его подчиня себѣ? Онъ долженъ подѣлиться съ другими своею милою, дорогою, ничѣмъ не замѣнимою задушевною правдою, много разъ перечувствованной и передуманной, но ею только; а не чѣмъ другимъ вмѣсто нея, или вмѣстѣ съ нею.

И Вы, Чаевъ, владѣете этою силой задушевной правды. Вы, какъ силачъ, можете управлять посредствомъ нея другими, сами того не замѣчая. Она пробивается тамъ, гдѣ Вы не ждали, и вызываетъ сочувствіе въ тѣхъ, о комъ не думали. Назойливо повторю, о чемъ писалъ Вамъ когда-то: „Подспудныя силы“ Ваши были читаемы и перечитываемы мною и нами не для наполненія чѣмъ нибудь пустого времени, а для утоленія жажды душевной, и утоляли ее въ цѣлой семьѣ, въ семьѣ не неразборчивой въ этомъ отношеніи, утоляли ее задушевно правдивымъ чутьемъ добра въ человекѣ, чутьемъ его собственнаго чутья этого добра, сочувствіемъ ко всему человѣческому. Я душевно благодаренъ Вамъ за „Подспудныя силы“, какъ членъ семьи и какъ отецъ ея, чувствуя, что онѣ въ насъ вызывали наши подспудныя силы. „Подспудныя силы“, Копперфильдъ, Чилингли, Дѣтство и Отрочество, Война и Миръ—и еще очень немногое въ томъ же родѣ, люблю я не какъ любовникъ, а какъ любящій, не влюбленный, а вѣрный привязанности. По дорогѣ „Подспудныхъ силъ“ лежитъ путь Вашей силы, могъ я сказать, не зная Васъ лично. Еще смѣлѣе могу это повторить теперь, проведши съ Вами нѣсколько долгихъ вечеровъ. Вы можете всѣмъ увлечься, такъ что самое дорогое останется на днѣ души; но пока не подымется наверхъ это дорогое, увлеченіе Ваше будетъ скорѣе забытьемъ, чѣмъ сознательное увлеченіе. Во многомъ Вы можете быть мастеромъ и художникомъ; но поэтомъ—именно въ томъ, въ чемъ и въ „Подспудныхъ силахъ“.

И въ этомъ то мы, жаждущіе, всего болѣе нуждаемся. За недостаткомъ чистой воды изъ источника приходится инымъ и многимъ пить всякую грязь, и привыкая къ ней, а не къ ней, такъ къ горѣлкѣ, доходить до того, что чистая вода для утоленія жажды не годится, а годится развѣ какъ лѣкарство. Это ли не горе? Не горе ли что и поэтъ „Войны и Мира“ пустился утолять жажду читателей и почитателей грязью или горѣлкой!...

Ночь заставляетъ окончить исповѣдь. Скверно, но искренно высказался я. Жаль будетъ, если Вы скажете на это: искренно, но скверно.

Привѣтствую Васъ съ днями христіанской любви и прощенія.

Вашъ читатель И. Срезневскій.

VIII.

Душевноуважаемый

Николай Александровичъ!

Отъ всего сердца благодарю Васъ за дружеское письмо и за личное знакомство съ Вашей прелестной „Надей“.¹⁾

О ней давно я слышалъ, давно заочно сталъ ею любоваться, давно ее ожидалъ, потомъ, подчиняясь Вашей „прихоти“ отеческой, смирилъ свое нетерпѣніе, и вотъ внезапно, когда я объ ней уже не думалъ, она стала передо мною:

Надъ мракомъ свѣтлая душою, какъ прекрасный
Небесный житель, гость изъ горней стороны,
Куда избранниковъ заводятъ сердца сны.

Изъ письма Вашего я никакъ не могъ догадаться, что именно ее, Надю, я увижу. Увидѣвъ, не могъ не обрадоваться,—и затѣмъ сблизившись съ нею, когда позднимъ вечеромъ, погасивъ свѣчу, я начиналъ думать о ней, чѣмъ больше думалъ, тѣмъ больше увлекался ею, мечтами о ней, о ея жизни, о тѣхъ думахъ, которыя она могла Вамъ навѣвать, а за Вами навѣвала и мнѣ.

Затѣмъ мнѣ все болѣе хотѣлось видѣться съ Вами, говорить о Надѣ и о многомъ, понемногу, высказаться... высказаться живымъ словомъ, которое всегда теплѣе, искреннѣе чѣмъ напечатанное холодно обдуманное или по крайней мѣрѣ считаемое такимъ, и потому очень часто пренебрегаемое сердцемъ. Правда, что и Вы художникъ, и Вы

¹⁾ „Надя“ — извѣстная поэма Н. А. Чаева, напечатанная въ 1878 году.

узнали, каково свой задушевный трудъ нести на выставку и повер-
гать сужденю и всёхъ и вся—

Невѣжды наглаго глумленью,
И сладкой похвалѣ любителя искусствъ,
Отъ впечатлѣнія лишившагося чувствъ.

И можете счесть меня однимъ изъ этихъ всёхъ; но я бы не побоялся
этого въ надеждѣ, что если не съ перваго разу, то повемногу Вы
сочтете не совершенно ненужнымъ слушать исповѣдь старика не злого,
не желающаго сердить—и скажете о немъ:

Хоть онъ большой чудакъ,
Но можетъ—титло, знакъ, крючокъ или кавычка,
Тире, иль важная для мысли перемычка.

Пока же удастся мнѣ высказаться лично, я ограничусь немногими
словами. Мнѣ очень пріятно повторять Ваше новое произведение, пере-
листывая, по кусочкамъ, то остановиться надъ разборомъ старинной вязи,
то переселиться въ дѣтскую и вмѣстѣ съ учащимися дѣтьми завидовать
неучащимся дворовымъ мальчикамъ, то задуматься надъ русскою народ-
ною рѣчью, какъ въ ней все приглублено роднымъ моимъ народомъ,
то переселиться въ мастерскую художника и повторить отъ себя Вашими
словами о Васъ: „у васъ есть жизнь, хоть искру дайте Бога ради“. Вотъ
объ этой-то искрѣ я и говорить хотѣлъ съ Вами, хотѣлъ и хочу, и когда—
нибудь дождусь случая.

Изъ-за этой искры мы собираемся опять взяться за Ваши „Под-
спудныя силы“. Въ старое время мы читали безъ тѣхъ дѣтей, которые
теперь могутъ слушать, и, конечно, будутъ слушать съ удовольствіемъ.

Надѣясь на это наше семейное удовольствіе, передаю отъ себя
и отъ жены душевный привѣтъ.

Искренно Васъ уважающій

Измаиль Срезневскій.

22 мая 1878.

Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе супругѣ Вашей. Боря
кланяется. На дняхъ мы вспоминали съ нимъ, какъ Вы насъ приняли
въ Петровскомъ¹⁾.

¹⁾ Т. е. въ Петровскомъ Дворцѣ, гдѣ въ лѣтнее время Н. А. Чаевъ, какъ слу-
жившій въ Оружейной Палатѣ, пользовался помѣщеніемъ въ одномъ изъ флигелей.